

К 850-летию Москвы

© 1996 г. Ю. А. ПЕТРОВ *

МОСКВА КУПЕЧЕСКАЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

С конца XIX в. на роль «отцов города» вместо дворянства все явственней начинает притязать московская буржуазия. Именно предпринимательские слои определили лицо первопрестольной столицы как всероссийского торгово-промышленного центра, и в немалой степени благодаря их усилиям огромный мегаполис с более чем миллионным населением благоустраивался и рос. Велико было значение купечества московского и в общественной жизни, в городском самоуправлении, а также в становлении русской национальной культуры. «Москва купеческая» — так назвал свою ныне широко известную книгу П. А. Бурыйшкін, один из замечательнейших представителей делового мира столицы. «Москва, — писал он, — считалась купеческим городом, где представители промышленности и торговли занимали руководящие места, в частности, в московском городском общественном управлении»¹. Однако в «образованном» российском обществе предреволюционных лет сложился негативный стереотип в восприятии «мира капитала», который мешал по достоинству оценить деяния и устремления новой социальной силы.

«И в дворянстве, — пишет мемуарист, — и в чиновничестве, и в кругах интеллигенции, как правой, так и левой, — отношение к «толстосумам» было, в общем, малодружелюбным, насмешливым и немного «свысока». Во всяком случае «торгово-промышленники» отнюдь не пользовались тем значением и не имели того удельного веса, которые они должны были иметь благодаря своему руководящему участию в русской хозяйственной жизни и которыми пользовались их западные, европейские и особенно заокеанские коллеги в своих странах»².

Интеллигентское пренебрежение к миру капитала получило после революции 1917 г. официальную санкцию в пролетарском государстве, где буржуазия воспринималась как нечто чужеродное, а термин «буржуазность» обрел ругательный оттенок. И только ныне, спустя долгие десятилетия, истинный облик Москвы купеческой начинает зримо проступать сквозь прежние идеологические напластования. Наконец-то по достоинству оценены бескорыстные деяния знаменитых московских меценатов П. М. Третьякова, С. И. Мамонтова, С. Т. Морозова и многих других. Но при этом подчас забывается, что эти люди прежде всего были талантливыми бизнесменами, видными общественными деятелями той эпохи. Москва купеческая — это многообразный мир со своим историческим опытом, деловыми традициями, жизненным укладом и менталитетом.

Буржуазии не суждено было закрепиться на верхних ступенях социальной иерархии, к которым она стремилась в предреволюционный период. И дело здесь не в пресловутой «слабости» и «ограниченности» отечественного предпринимательского класса — тезис, ставший общим местом историографии и публицистики советского периода. По своим объективным характеристикам российские и московские прежде всего капиталисты мало в чем уступали европейским собратьям по классу. По ряду же позиций (политическая активность, вклад в развитие национальной культуры) они даже превосходили западных предпринимателей того времени.

* Петров Юрий Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Слишком острым, однако, оказался кризис, который русское общество пережило в начале XX в., когда в течение 17 лет над страной пронеслись две войны (русско-японская и Первая мировая) и три революции. Революционный вихрь разрушил частнопредпринимательский строй и рассеял по миру отечественных бизнесменов, вынужденных коротать свой век в эмиграции или в советских лагерях. Отечественная буржуазия в целом и такой колоритный ее отряд, как московская, долгое время оставалась «забытым классом», и лишь в начале 1990-х гг. наше общество смогло обратиться к образу ушедшей купеческой Москвы с объективных позиций.

В современной публицистике предпринимательский мир нередко полностью отождествляется с купеческим сословием. В действительности же в начале XX в. купцы отнюдь не преобладали в составе предпринимательского слоя. С принятием в 1898 г. закона о промысловом налоге, уничтожившего обязательную связь между предпринимательской деятельностью и записью в купеческую гильдию, купеческая сословная группа теряет свое значение. Если прежде необходимо было выкупать у государства право на занятие промыслами, уплачивая специальный налог — гильдейский сбор, то теперь достаточно было взять промысловое свидетельство, уплатив единый промысловый налог. При численном росте лиц, занимавшихся бизнесом, все меньше приобретается ими купеческих свидетельств, происходит разрыв сословной оболочки под влиянием процесса складывания буржуазного класса, вбирающего в себя выходцев из различных социальных групп.

В начале XX в. современникам становилось все более очевидно, что «связанная с занятием торговлею и промыслами сословность является не более как пережитком прежнего, дореформенного законодательства... искусственно привившего торгово-промышленной деятельности в России не свойственный ей сословный характер»³. Новейшие исследования российской буржуазии свидетельствуют, что до 40% совладельцев торговых домов и до 30% директоров акционерных компаний в канун мировой войны не были официально связаны с купеческим сословием, будучи записаны в «мещане», «крестьяне» и т. п.⁴ В российской действительности предреволюционных лет нередко были случаи, когда «крестьянин», числившийся в составе сельского общества, оказывался крупным землевладельцем или фабрикантом, что само по себе свидетельствовало о нежизненности сохранявшихся сословных состояний. В равной мере в директорате крупной компании или банка мог оказаться сиятельный князь, в чем выражалось набиравшее силу «обуржуазивание» дворянства.

Сколько же предпринимателей, достаточно крупных, действовало в Москве в начале XX в. вне зависимости от их сословной принадлежности? По данным городской переписи 1902 г., в Москве насчитывалось 1394 фабрикантов и заводчиков, хозяев торговых и кредитных учреждений — 7869 и рантье, «живущих от доходов с денежных капиталов», — 7290. Всего, таким образом, из учтенного переписью населения города (1 092 360 чел.) 16553 (около 1,5%) можно отнести к относительно крупным предпринимателям⁵.

Оптимальным критерием для классификации буржуазии являются данные о доходах. Однако в России система подоходного обложения, готовившаяся еще в конце XIX в., так и не была введена в действие вплоть до революции 1917 г. Предварительные же расчеты показали, что по количеству владельцев торгово-промышленных фирм, подлежащих обложению (с годовым доходом более 1 тыс. руб.), Московская губерния (подсчеты велись по губерниям, без выделения городов) шла на первом месте: в начале 900-х гг. таких предпринимателей здесь насчитывалось 9067 (в идущей на второй позиции Петербургской губернии 7709). Доходами от городского недвижимого имущества по Московской губернии жили 7246 человек (в Петербургской — 6668).

Надо заметить, что доход в 1 тыс. руб. в год для дореволюционной России не был символом богатства, а скорее являлся «прожиточным минимумом», как называли его составители материалов подоходного обложения. В материалах этих

приводятся и интересные сведения о владельцах торгово-промышленных предприятий с доходом свыше 50 тыс. руб., что являлось действительно высоким уровнем накопления (для сравнения укажем, что годовое жалование царского министра не превышало 25—30 тыс. руб.). Таких богачей насчитывалось в Москве 313 с общим доходом 74, 6 млн. руб., т. е. в среднем более 240 тыс. на персону, в Петербурге — 236 с суммой 71, 6 млн. руб.⁶

Эти примерно 300 богатейших предпринимателей первопрестольной в начале XX в. представляли верхушку делового класса, причем круг капиталистов, активно участвовавших в предпринимательских организациях и в жизни города в целом, был еще уже. Немалый интерес представляет вопрос о размерах личного капитала хозяев купеческой Москвы. В литературе в гипотетической форме высказывалось положение, что «московские магнаты в целом обладали гораздо большими личными состояниями, чем заправила ряда высокомонополизированных отраслей тяжелой промышленности» (Москва же по традиции была связана главным образом с легкой индустрией, прежде всего с текстильным производством). Однако исследователи признавали невозможным оценить личные капиталы в цифрах⁷.

Тем не менее у историков есть возможность по крайней мере частично охарактеризовать размеры состояний московских предприятий. Речь идет о сохранившихся в архивах комплексах документов по наследственному переходу имущества, в которых зафиксирована величина и структура капитала. В Москве обычной была процедура ввода в наследование в соответствии с духовным завещанием — составленным при жизни наследователя документом, определяющим его последнюю волю. Нотариально оформленные завещания после его смерти представлялись наследниками в судебные инстанции для утверждения.

Тогда и сложился комплекс документов, позволяющих приподнять завесу над тщательно скрываемым в деловых кругах размером наследства. Наследники представляли в суд копию заявления об «открывшемся наследственном имуществе», в котором подробно перечисляли все ценности, переходящие в их собственность. При невысокой ставке наследственной пошлины (1, 5% по прямой линии) у наследников не было значительных стимулов к занижению действительных размеров наследства. Напротив, они были заинтересованы в максимальном выявлении имущества и юридическом его закреплении.

Всего нами были обнаружены сведения о наследстве 65 крупных предпринимателей Москвы (оставивших на рубеже XIX—XX вв. состояние не менее 100 тыс. руб.)⁸. Оказалось, что весьма высока была в Москве доля сверхкрупных состояний: почти у половины выявленных персоналий наследство превышало миллион рублей — гигантская сумма по меркам дореволюционной России! Среди московских миллионеров преобладали представители второго-третьего поколения предпринимателей, обязанных своим успехом текстильному производству и крупной торговле. Отпрыски династий Морозовых, Боткиных, Перловых, Третьяковых, Рябушинских и др., унаследовав капиталы родоначальников, сумели заметно их приумножить. Среди богатейших людей Москвы были и выходцы из российской глубинки, сумевшие утвердиться в столичном деловом мире (к примеру Второвы, торговцы мануфактурой), и железнодорожные строители, сколотившие состояние на выгодных подрядах (фон Мекки), и выходцы из Европы, «московские немцы», как их называли русские предприниматели, приезжавшие в Россию бедными людьми и здесь становившиеся видными фигурами в бизнесе, основанном на внешнеторговых, промышленных и финансовых операциях (Кнопы — хлопчатобумажные короли Москвы, Вогау — владельцы огромного финансово-промышленного концерна и др.).

Самым богатым человеком в Москве являлась М. Ф. Морозова, мать известного мецената С. Т. Морозова и хозяйка крупнейшей Никольской мануфактуры. К моменту кончины она владела капиталом на общую сумму более 30 млн. руб., в которых воплотилась предпринимательская деятельность трех поколений знаменитой династии текстильных фабрикантов. Под стать Морозовым были и

другие московские кланы: основатель семейного дела промышленников и банкиров П. М. Рябушинский после смерти в 1899 г. оставил восьмерым сыновьям около 15 млн. руб. Сибирский купец А. Ф. Второв, к концу жизни переселившийся на жительство в столицу, накопил 13 млн. руб. Состояние владельца «Пассажа» на Кузнецком мосту Г. Г. Солодовникова, скончавшегося в 1901 г., оценивалось в 21 млн. руб., причем 20 млн. руб. торговец завещал на нужды благоустройства родного города. Около 9 млн. руб. завещал наследникам основатель знаменитой водочной фирмы П. А. Смирнов, умерший в 1898 г.

За этими цифрами — сама история московского предпринимательства, из поколения в поколение передававшего семейное дело в надежные руки, не чуждого духу служения своим богатством народным надобностям. Моты и транжиры были не в чести у московской деловой элиты. Напротив, хорошим тоном считалось не проживать все годовые доходы, оставляя часть на приращение капитала. Однако размер личного капитала отнюдь не был мерилом человека в предпринимательской среде. Многие зависело и от того, какими путями он нажит. Нувориши, разбогатевшие на сомнительных финансовых операциях, авторитетом, как правило, не пользовались. «Москва ни откупщиков, ни ростовщиков не любит», — говорили по этому поводу. Подлинные хозяева «Москвы купеческой» помимо бизнеса активно участвовали в жизни своего класса и прежде всего — в деятельности Московского Биржевого комитета, главной представительной организации «третьего сословия».

Биржевое общество с комитетом в качестве постоянно действующего органа возникло в Москве в 1839 г. и объединяло торгово-промышленных предпринимателей десяти губерний Центрального района России, тяготевших к Москве. По уставу общества из числа его членов избирались на определенный срок депутаты — выборные, которым предоставлялось «входить с ходатайствами о разрешении торговых и промышленных вопросов, представлять правительству всякого рода предположения» и т. п.⁹ Выборные из своей среды избирали старшин (членов) Биржевого комитета, который осуществлял руководство текущей деятельностью бирж и реализовывал «приговоры» выборных. Вести торговлю на Московской бирже имели право владельцы промышленных предприятий и оптовики, т. е. крупные торговцы. Количество членов биржевого общества колебалось в пределах 300—400 лиц и фирм, число выборных составляло 150—170; в Биржевом же комитете заседало 5—7 старшин под председательством наиболее авторитетного дельца, фактического распорядителя московской торгово-промышленной жизнью.

Среди выборных в начале XX в. выделялось 30—35 самых влиятельных бизнесменов, зачастую представителей разросшихся старинных купеческих родов, которые и делали погоду на бирже. Хлопчатобумажные династии Барановых, Востряковых, Крестовниковых, Коноваловых, Лосевых, Морозовых, Найденовых, Прохоровых, Рябушинских, суконные «короли» Баклановы, Четвериковы, шелковые фабриканты Щенковы, льнопромышленники Третьяковы, отпрыски родов «московских немцев» Кнопы и Вогау, банкиры Вишняковы и торговцы пушниной Сорокоумовские, кожевенные фабриканты и «профессиональные благотворители» Бахрушины и др. были той деловой элитой, которая определяла лицо «Москвы купеческой».

Большинство из них носили почетное звание потомственного почетного гражданина, были отмечены званиями коммерции- и мануфактур-советников, некоторые за заслуги на предпринимательском поприще были даже пожалованы в потомственные дворяне (Г. А. Крестовников — председатель Биржевого комитета в 1905—1915 гг., глава Московского Купеческого банка, Н. И. Прохоров — хозяин знаменитой Трех-горной мануфактуры). Помимо главной правительственной организации деятели биржевого общества участвовали во множестве других, в том числе казенных экспертных советах, таких, как Московское отделение Совета торговли и мануфактур, и общественных, прежде всего в Московской городской думе, где предприниматели по традиции образовывали влиятельный слой среди гласных.

По отраслевому составу большинство московских биржевиков являлись представителями главной отрасли московской промышленности — хлопчатобумажной: 90 из 150 выборных на 1914 г. были связаны с торговыми и промышленными предприятиями данной отрасли. Все активнее московский деловой мир внедрялся в финансовую сферу, в коммерческие банки и страховые общества. Здесь сказывался некий присущий Москве корпоративный дух: большинство коммерческих банков в городе (к началу мировой войны здесь находилось семь банков, не считая московских филиалов петербургских кредитных учреждений) было создано самими промышленниками, использовавшими их для льготного финансирования собственных компаний. В начале 1900-х гг. москвичи создали особую страховую корпорацию — Российский Взаимный страховой союз, объединявший сотни фабрикантов Центрального района, недовольных монопольным положением на рынке акционерных страховых обществ.

Непререкаемым авторитетом в биржевом сообществе пользовался бессменный на протяжении 30 с лишним лет председатель Биржевого комитета Николай Александрович Найденов (1834—1905), представитель третьего поколения московской промышленной династии, предки которого являлись крестьянами Владимирской губернии. Деловую карьеру он начал еще в 1860-х гг., основав торговый дом «А. Найденова сыновья», ведший торговлю шерстяной пряжей и ее обработку на собственной фабрике. К концу века он стал одним из крупнейших текстильных фабрикантов и банкиров. В начале XX в. Найденов контролировал созданный им в 1870 г. Московский Торговый банк, Московское торгово-промышленное товарищество (1874 г.), занимавшееся операциями со среднеазиатским хлопком, хлопчатобумажное предприятие Разоренова и Кормилицына в Кинешме Костромской губернии, Товарищество Купавинской суконной фабрики близ Москвы, а также учрежденное по его инициативе Московско-Кавказское нефтепромышленное товарищество (1902 г.), владевшее нефтеносными участками в Бакинском районе. Высокое деловое реноме способствовало выдвижению его в самую передовую шеренгу московского предпринимательского мира: с начала 1870-х гг. он являлся полновластным хозяином Биржевого комитета и пользовался немалым авторитетом в правящих верхах как специалист в области экономической политики. «Молодость его, — вспоминал один из хорошо знавших Найденова современников, — проходила во времена, когда купец был еще для многих «купчишка» и «аршинник», а под конец своей жизни председатель Московского Биржевого комитета был персона и для Петербурга»¹⁰.

Николай Найденов являл собой живое олицетворение пореформенного московского купечества. В конце жизни он даже отказался от предложенной высокой чести быть занесенным с потомством в российское дворянское достоинство. «Я в купечестве родился, купцом и умру», — ответил он на запрос из Петербурга, несказанно удивив своим купеческим «патриотизмом» столичных чиновников. Многое было им сделано для изучения своего сословия (издание известных материалов по истории московского купечества) и истории родного города (публикация ставших хрестоматийными альбомов с видами Москвы, ее церквей и монастырей и др.).

С другой стороны, ему был присущ известный консерватизм, с недоверием глава Биржевого комитета относился к проектам изменения отношений с рабочими. По свидетельству современников, излюбленной его темой был вопрос о «патриархальном-де быте рабочих на русских фабриках и необходимости поосторожнее относиться к каким-либо введениям новшеств во взаимные отношения хозяев и рабочих»¹¹. Чуждый всяким политическим притязаниям, председатель организации московских биржевиков, как отмечалось его коллегами по городскому самоуправлению (Найденов более 30 лет состоял гласным Городской думы), предпочитал роль эксперта «в области церковно-исторической древности Москвы и торгово-промышленной истории города»¹².

Скончался Николай Александрович в декабре 1905 г., в разгар революционных событий в Москве, которые означали конец мирного эволюционного пути

развития и начало эпохи социальных потрясений, ускоривших кончину патриарха московского купечества. С его именем уходил в прошлое XIX век, в недрах которого произошел переход к рыночной системе хозяйства, вызвали новые социальные силы в самом предпринимательском классе. Именно им в начале нынешнего столетия суждено было выступить на политическую арену под флагом утверждения частнопредпринимательского строя и реформы государственного управления в целом.

В годы первой российской революции состоялся политический дебют московской буржуазии, в ее верхушке представленной новым поколением предпринимателей, которых в отличие от «стариков» найденовского окружения стали называть «молодыми» торгово-промышленными силами. Мировоззренческим кредо «молодых» стал «буржуазизм» — система взглядов, в основе которой лежало твердое убеждение, что наступивший XX век должен стать в истории страны веком буржуазии. Их не удовлетворяла «верноподданическая» позиция поколения отцов, а побудительным стимулом являлось стремление добиться для «третьего сословия» подобающего ему места в обществе. Политический их радикализм в немалой степени коренился в предпринимательской системе, базирующейся на рассчитанном на свободный массовый рынок текстильном производстве. Поэтому, в частности, «москвичи» были последовательнее и держались более независимо, чем связанные казенными заказами «петербуржцы», хозяева машиностроительных и металлургических заводов.

Драматические события начала 1905 г. ускорили политическое самоопределение московских «капитанов индустрии». В созданной после трагедии 9 января комиссии министра финансов В. Н. Коковцова по рабочему вопросу ее участники из среды предпринимателей высказывали мнение о том, что решение этого острейшего вопроса лежит не в частных уступках рабочим, а в изменении «общих политических условий». В центр внимания деловых кругов выдвигается задача обеспечить «самостоятельное представительство» в будущей Думе. 27 июня 1905 г. на совещании инициативной группы петербургских и московских предпринимателей была принята резолюция о созыве «возможно скорее съезда представителей промышленности и торговли для объединения на определенной программе политического и экономического содержания и для избрания бюро ввиду организации и подготовительных действий по выборам в народное собрание»¹³.

На этом съезде, состоявшемся 4—5 июля 1905 г. в Москве, произошел решительный разрыв группы «молодых» с председателем биржевого комитета и деятелями его поколения. Призывы П. П. Рябушинского, А. С. Вишнякова и др. к введению конституционного строя вызвали негативную реакцию у лояльно настроенного к неограниченному абсолютизму большинства. Под предлогом, что съезд уклоняется от намеченной программы, в которой значился только пункт об участии промышленников в выборном представительстве, Найденев закрыл собрание и направился в Петербург, чтобы лично доложить министру финансов о происшедшем. Однако оставшаяся «левая» часть съезда продолжала заседания, настаивая на придании будущей Думе законодательного характера (а не законосовещательного, как предусматривал булыгинский проект).

В принятой на съезде программе подчеркивалось, что торгово-промышленные деятели, «не видя в существующем государственном порядке должной гарантии для своего имущества, для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни, не могут не объединиться на политической программе с целью содействовать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни». Для достижения этих целей предусматривалось «соединение с теми политическими партиями, содействие тем политическим стремлениям и поддержка всеми возможными средствами тех политических факторов, которые заявят себя способными к полному обновлению русской народной жизни». Прежде всего имелось в виду земско-либеральное движение, с которыми у торгово-промышленников совпадала главная статья программы — созыв «народного представительства, устроенного по образцу конституционных государств».

Решительно было заявлено лидерами делового мира о неприятии «насиленно-революционных методов» и тех политических сил, которые к таковым прибегают¹⁴.

Однако с самого начала политическое движение буржуазии не нашло союзника в лице интеллигенции: земские либералы на соглашение с ними не пошли. С другой стороны, царская администрация пыталась привычным способом расправиться с новыми оппозиционерами, проведя ряд обысков и арестов среди участников съезда. Лишь после Манифеста 17 октября 1905 г., возвестившего о даровании населению империи конституционных прав, в том числе и право свободной организации политических партий, московскими предпринимателями была создана такая партия под названием «торгово-промышленная».

Инициатором ее создания был Григорий Александрович Крестовников (1855—1918), текстильный промышленник и банкир (председатель совета крупнейшего в Москве Купеческого банка), яркий представитель «новой волны» московских предпринимателей. Окончив Московский университет, где занимался изучением органической химии, он с 1887 г. возглавил семейное дело — Фабрично-торговое товарищество Крестовниковых, а спустя некоторое время основал одно из первых в России предприятий по производству текстильных станков. Женатый на Юлии Морозовой, родной сестре знаменитого Саввы, он пользовался поддержкой этого могущественного клана.

С 1890-х гг. он сумел проявить себя в качестве блестящего знатока и защитника интересов московского капитала перед правительством. Неудивительно, что именно ему принадлежал почин в политической организации предпринимателей, и вскоре после создания торгово-промышленной партии он сменил умершего Найденова на посту председателя Биржевого комитета, в течение последующего десятилетия направляя деятельность главной представительной организации москвичей. Авторитет Крестовникова во всероссийском масштабе был столь велик, что в 1906 г. его избрали членом Государственного совета от торговли и промышленности, а в 1910 г. императорским указом лидеру московского купечества пожаловано было потомственное дворянство — высшее признание заслуг предпринимателя со стороны дворянского самодержавия.

В воззвании центрального комитета созданной им в 1905 г. торгово-промышленной партии подчеркивалось, что «новый государственный строй заставит русский народ неорганизованным для политической жизни». Призывая «лиц правопорядка» к объединению, Крестовников со товарищи выражали уверенность, что «только на такую мощную партию будет в состоянии опереться правительство в предстоящей ему трудной прогрессивно-созидательной работе».¹⁵

Идеологи партии сочли необходимым публично обосновать ее столь необычное, не имеющее аналогов в европейской практике название — торгово-промышленная. Специфической ее задачей они считали объединение всего «торгового сословия», в состав которого включали не только хозяев, но и рабочих вкупе со служащими. Наименование «торгово-промышленная» и должно было служить для всех занятых в этой области объединяющим признаком, не позволяя членам «сословия» разбредиться по другим союзам. Однако, несмотря на все усилия, по своему составу партия Крестовникова оставалась объединением крупных предпринимателей, слишком малочисленных, чтобы надеяться на успех в предвыборной кампании. Нередко приказчики вступали в ряды партии под прямым давлением хозяев и при первом удобном случае выходили из нее.

Другим политическим объединением, возникшим в среде московской буржуазии в 1905 г., была умеренно-прогрессивная партия, возникшая благодаря усилиям группы «молодых» предпринимателей во главе с П. П. Рябушинским. Программа ее фактически совпадала с платформой кадетской партии, расходясь существенно только в одном пункте — в отношении продолжительности рабочего дня. Если кадеты записали в своей программе требование 8-часового рабочего дня, то «умеренные прогрессисты», лучше знавшие положение в русской промышленности и ее возможности в конкурентной борьбе с заграничными производителями,

решительно отвергали сокращенный рабочий день. «При большом количестве у нас праздников (церковных прежде всего, которых насчитывалось до 50 дней в году. — Ю. П.) — абсолютно нельзя установить у нас 8-часовой рабочий день, иначе наши рабочие не выдержат европейской конкуренции»¹⁶.

Той же осенью 1905 г. возникла одна из самых влиятельных впоследствии российских политических партий — октябристская («Союз 17 октября»), у основания которой стоит фигура еще одного сына купеческой Москвы — Александра Ивановича Гучкова (1862—1936). Предприниматель в третьем поколении, он также получил университетское образование (на историко-филологическом факультете Московского университета он одно время занимался в одном семинаре с будущим лидером кадетов и политическим соперником П. Н. Милюковым). Деловая стезя не увлекла молодого Гучкова, ближе его натуре была политическая борьба. Венцом его политической деятельности стала организация партии октябристов. На ее знамени значилось: «конституционная монархия», первым шагом к которой, верил Гучков, и стал Манифест 17 октября. Его партия объединила довольно разнородные элементы предпринимательского мира с цензовыми элементами города и дворянскими латифундистами. Все три «деловые партии Москвы» с самого начала действовали скоординированно. В разгар декабрьских событий в Москве они выступили с совместным заявлением, в котором ответственность за «льющуюся на улицах Москвы кровь, убийства, грабежи и пожары» возложили на революционные партии, прямо обвинив их «во лжи и обмане народа». Позднее был создан и предвыборный блок по выборам в I Думу по Москве.

Однако итоги выборов, состоявшихся весной 1906 г., оказались неутешительными: крупнобуржуазные партии провели в Думу всего 16 своих представителей, из которых 13 были октябристами, двое представляли умеренных прогрессистов и один депутат прошел от торгово-промышленной партии. Их подвела узкая социальная ориентация и отсутствие даже того показного демократизма, который был свойствен победившим на выборах кадетам. Буржуазные партии в Москве частью самоликвидировались, частью, как торгово-промышленная в лице большинства членов ее руководства, вошли в более мощную октябристскую. Однако события революционных лет многому научили московских предпринимателей, и прежде всего показали необходимость консолидации всех предпринимательских слоев и максимального расширения социальной базы политического движения, осуществляемого самими деловыми кругами.

С неудачей на выборах можно было бы примириться, будь промышленники Москвы уверены, что правительство выполнит взятые на себя обязательства и поведет страну по пути мирного конституционного развития. «После 17 октября, — писал позднее П. П. Рябушинский, — считая, что цель достигнута, буржуазия перешла на сторону правительства. В результате одолело правительство, но началась реакция, сначала стыдливая, а потом откровенная»¹⁷. Конституционные иллюзии быстро рассеивались, и в среде купечества московского, особенно в «молодой» его части, все более вызревают оппозиционные настроения, выразителем которых стал кружок бизнесменов во главе с упомянутым Павлом Павловичем Рябушинским (1871—1924).

Старший сын в семье хлопчатобумажного фабриканта и банкира П. М. Рябушинского, он с 1890-х гг., еще при жизни отца, взял семейное предприятие (хлопчатобумажный комбинат из г. Вышнего Волочка Тверской губ.) в свои руки. После же кончины родителя в 1899 г. он официально возглавил знаменитый семейный клан, давший России талантливых предпринимателей, выдающихся ученых и блестящих меценатов. На деловом поприще Рябушинский стал одной из самых заметных фигур России: глава правления Харьковского Земельного и Московского коммерческого банков, семейного текстильного предприятия, типографской фирмы и еще множества иных компаний.

Подлинную же славу ему снискала активная политическая деятельность по сплочению предпринимательского класса и поиску союзников в его противостоянии

с отживающим самодержавным режимом. «Буржуазисты», к которым относились Рябушинский и его политические последователи (А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков, С. И. Четвериков, П. А. Бурьшкин и др.), находились в либеральной оппозиции к архаическому абсолютизму, который должен был быть заменен конституционно-монархическим государственным строем. С другой стороны, увлеченным социалистической пропагандой рабочим разъяснялось, что лишь недавно вступившая на индустриальный путь развития Россия не готова к социалистическим преобразованиям, что ей, говоря словами самого Рябушинского, предстоит еще пройти «через путь развития частной инициативы».

Недовольство политикой кабинета Столыпина и партии Гучкова, безоговорочно поддерживавшей курс премьера на «успокоение и реформы», москвичи открыто проявляли на страницах газеты Рябушинского «Утро России», которая издавалась на средства кружка «молодых» капиталистов. «Возвратите полностью 17 октября» — таков был постоянный рефрен выступлений газеты по поводу правительственного курса на свертывание конституционных завоеваний 1905 г. Тоска по «пропавшей грамоте», как иронично именовали в общественных кругах царский манифест, дополнялась кампанией против поместно-чиновничьего дворянства под лозунгом «Купец идет!» Русское купечество, писал в газете ее издатель, «представляет собой в такой мере развитую экономическую силу, что не только может, но и должно обладать соответствующим политическим влиянием». Оппозиционный накал публичным выступлениям московского бизнесмена, думается, придавало то обстоятельство, что по унаследованному вероисповеданию Рябушинские принадлежали к старообрядцам, наиболее гонимой конфессиональной группе населения, у которой недоверие и прямой протест против действий власти был, что называется, в крови.

Не случайно одно из самых острых выступлений в адрес правительства было подготовлено А. И. Коноваловым, также выходцем из старообрядческой среды и соратником Рябушинского, когда в 1911 г. в связи с репрессивными действиями Министерства народного просвещения в отношении студенчества и профессуры Московского университета именно московские предприниматели возвысили голос протеста. В прессе ими было опубликовано открытое письмо правительству за подписью 66 крупнейших фабрикантов Москвы с предупреждением, что «страна» явно не одобряет действий «власти».

Задаче объединения оппозиционных сил под эгидой предпринимателей служило вхождение Рябушинского и Коновалова в созданную накануне мировой войны прогрессистскую партию, в рамках которой консолидировались промежуточные между октябристами и кадетами либеральные силы. Программным требованием прогрессистов являлось положение о необходимости реформы государственного строя на основе конституционных форм. Москвичи предпринимали шаги и по сближению с партиями левого лагеря — кадетами, эсерами и даже социал-демократами, которых рассчитывали использовать в качестве жупела для правительства. «Правительство обнаглело до последней степени, — убеждал Коновалов потенциальных союзников, — потому что не видит отпора, но стоит проявиться двум-трем эксцессам революционного характера, и оно немедленно проявит свою обычную безумную трусость»¹⁸. Правда, из этого блока ничего не вышло, поскольку революционеры не желали устраивать «эксцессы» по заказу либералов.

Годы Первой мировой войны стали звездным часом московских либеральных предпринимателей. По инициативе П. П. Рябушинского в 1915 г. создается сеть военно-промышленных комитетов — организаций частных индустриалов в целях мобилизации промышленности на нужды войны. «Мы уже не можем, — призывал Рябушинский, избранный к тому времени на пост председателя Московского биржевого комитета, — заниматься своим повседневным делом. Каждая фабрика, каждый завод — все мы должны только о том и думать, чтобы сломить эту вражескую силу». Глава биржевого сообщества Москвы возглавил одновременно и местный военно-промышленный комитет.

Все более настоятельным становился вопрос о всероссийском объединении

предпринимателей, которое, по замыслу москвичей, позволило бы «принять более активное участие в экономическом строительстве России после войны». Необходимо было считаться и с тем «безудержным прорывом народного гнева», к которому, по словам Рябушинского, может привести страну власть, совершенно не считающаяся с общественным мнением. Предчувствиям этим, охватившим московских либералов-промышленников в 1916 г., суждено было сбыться очень скоро, когда Февральская революция смела царский режим и сразу остро поставила проблему выбора пути социального развития.

Москвичам удалось воплотить в жизнь давнюю идею о всеобщем политическом союзе российских предпринимателей, создав в марте 1917 г. Всероссийский союз торговли и промышленности. Однако его «капиталистическая» фразеология не имела успеха у разоренных войной и уверовавших в социализм народных масс. Созданный специальный отдел «политического воспитания населения» не сумел противостоять массовой агитации со стороны социалистических партий. К тому же Временное правительство, в первый состав которого вошли представители «Москвы купеческой» А. И. Гучков и А. И. Коновалов, все более теряло контроль над происходящим в стране, своими популистскими мерами, такими, как введение хлебной монополии, лишь приближая экономический провал. Они, по отзыву Рябушинского, ставили страну на край катастрофы, приближали призрак «костлявой руки голода» и народной нищеты, о котором не уставали повторять либеральные бизнесмены.

В период между Февралем и Октябрем Москва купеческая все явственнее ощущала надвигающуюся социальную бурю, но не смогла ей противопоставить сколько-нибудь действенных контрмер. Эпилогом в истории частнопредпринимательского строя дореволюционной России стали события 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде, где последнее заседание Временного правительства вел А. И. Коновалов, вместе с другими министрами арестованный в Зимнем дворце и препровожденный в Петропавловскую крепость.

Злоключения, забросившие лучших деятелей купеческой Москвы за пределы России, не смогли сломить их твердую уверенность в высоком потенциале той системы хозяйства, которую они отстаивали на протяжении всей жизни. «Русская буржуазия, — говорил Павел Рябушинский в эмиграции, — численно слабая, не в состоянии была выступить в ответственный момент той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала нашему объединению, и в наступивший роковой момент стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила»¹⁹.

Драма последнего поколения Москвы купеческой заключалась в том, что «буржуазистская» идеология не проникла глубоко в народную толщу, что слишком тонким оказался в обществе слой, который мог бы обеспечить стране эволюцию по проложенному Западом пути. Ушла с ними в небытие и купеческая, деловая Москва, которая по праву считалась сердцем хозяйственной жизни страны. О лучших ее представителях точно сказал один из братьев Рябушинских: «В последние годы стали выступать и заставили себя выслушивать люди, почерпнувшие в идеалах дедов веру в идею «хозяина», но эти люди опоздали... или пришли слишком рано: удержать лавину они, конечно, не смогли — и старый русский купец хозяйственно погиб в революции, как погиб в ней и старый русский барин»²⁰.

Примечания

¹ Бурый П. А. Москва купеческая. М., 1991. С. 40.

² Там же. С. 40—41.

³ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905. № 45/46. С. 178.

⁴ Боханов А. Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992. С. 108, 121, 146.

⁵ Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Население. Вып. 2. М., 1906. Табл. VI.

⁶ См.: Опыт приблизительного исчисления народного дохода по различным его источникам и размерам: Материалы к проекту Положения о государственном подоходном налоге. СПб., 1906. С. 34—35, 54—57.

⁷ См.: Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма. Ее развитие и особенности//История СССР. 1963. № 2. С. 47, 63.

⁸ См.: Петров Ю. А. Документы о личных состояниях крупных московских капиталистов конца XIX — начала XX в. //Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992.

⁹ Устав Московской биржи. М., 1870.

¹⁰ Рябушинский В. П. Купечество московское//Былое. 1991. № 1.

¹¹ Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 69.

¹² ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 2361, л. 11 —15; Иванова Л. В. «Издатель и писатель по старой Москве». Николай Андреевич Найденов. 1834—1905//Краеведы Москвы (историки и знатоки Москвы). М., 1995.

¹³ Цит. по: Рейхардт В. Партийные группировки и «представительство интересов» крупного капитала в 1905—1906 гг. //Красная летопись. 1930. № 6 (39). С. 15—16. ¹⁴ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, 1905 г., П отд., д. 999, ч. 44, л. 44.

¹⁵ Иванов В. Российские партии, союзы и лиги: Сборник программ, уставов и справочных сведений. СПб., 1906. С. 75—77.

¹⁶ Там же. С. 25—28.

¹⁷ См.: Петров Ю. А. П. П. Рябушинский//Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М., 1991. С. 124.

¹⁸ См.: Петров Ю. А. А. И. Коновалов//Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 258.

¹⁹ Цит. по: Петров Ю. А. П. П. Рябушинский. С. 152.

²⁰ Рябушинский В. П. Судьба русского хозяина//Русский колокол. Берлин. 1928. № 3. С. 53.

МОСКВА РЕВОЛЮЦИОННАЯ

Декабрь 1905-го года: репетиция гражданской войны

С началом XX в. на смену размеренной, относительно стабильной эпохи в истории России пришел период социальных катаклизмов. За первые 17 лет нового столетия Россия пережила две войны (и обе неудачные) и три революции. Модернизация российского общества протекала не просто, переход от прежнего, патриархального уклада к новому, индустриальному сопровождался обострением старых и появлением новых социальных противоречий. Первая российская революция 1905—1907 гг. обнажила скрытые, глубинные конфликты и поставила страну перед угрозой гражданской войны. Своего пика революционные события достигли в декабре 1905 г. в Москве, вылившись в вооруженную борьбу на улицах древнего города.

Катастрофа «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. в Петербурге всколыхнула всю Россию, с особенной болью отразившись в ее историческом сердце. В Москве забастовало более 50 тыс. рабочих, или треть всех фабрично-заводских пролетариев столицы; в их среде под влиянием демократической интеллигенции все большей популярностью пользовался лозунг «Долой самодержавие!» Прямым ответом на кровавое побоище стал террористический акт эсера Ивана Каляева, в феврале 1905 г. взорвавшего в Кремле экипаж московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Взрыв эсеровской бомбы оказался столь силен, что тело дяди царя было буквально разорвано на куски. В Москве по поводу гибели нелюбимого администратора ходила злая шутка: «В первый раз великому князю пришлось раскинуть мозгами». Она отразила атмосферу той эпохи, когда ненависть становилась доминантой общественных настроений.

Священник Сергей Фудель так описывал умонастроения предреволюционной поры: «Ужас положения растет с каждым днем. Я говорю не о политическом положении страны, не о торжестве той или иной партии и даже не о голоде и нищете, неминуемо грозящих населению. Как пастор церкви я вижу ужас положения в том душевном настроении, которое постепенно овладевает всеми без исключения. Это настроение есть ненависть. Вся атмосфера насыщена ею. Она